

А. Ю. СОЛОВЬЕВ

**ИСТОРИЯ ТЕКСТА
«ПУТЕШЕСТВИЯ В ПОЛУДЕННУЮ РОССИЮ»
В. В. ИЗМАЙЛОВА**

Несмотря на то что творчество В. В. Измайлова¹ привлекало внимание современников,² а сам он пользовался определенным авторитетом, прежде всего как переводчик и журналист, главное его произведение — «Путешествие в полуденную Россию» — пока не становилось предметом отдельного исследования, хотя во второй половине XX в. постепенно проявлялся интерес к Измайлову как к оригинальному писателю в связи с изучением сентиментализма и широким привлечением творчества литераторов второго ряда при создании историко-литературных концепций.³

Первоочередной задачей предпринимаемого нами исследования является построение творческой истории «Путешествия», которое должно показать, в каком направлении шли поиски авторов сентиментального направления, одним из ключевых жанров которого было путешествие.

Вписывая работу Измайлова над текстом «Путешествия» в контекст произведений этого жанра, мы получим предварительные замечания (пусть и на ограниченном материале, но мак-

¹ См. о нем: *Лобанова Л. П.* Измайлов Владимир Васильевич // Русские писатели : 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 408—409. Наиболее полная библиография произведений Измайлова в: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. и с примеч. С. А. Венгерова. СПб., 1900. Т. 2. С. 555—558.

² См., например, об использовании мотивов повести Измайлова «Ростовское озеро» А. С. Пушкиным: *Головин В. В.* «Барышня-крестьянка»: Почему Баратынский «ржал и бился» // Русская литература. 2011. № 2. С. 123—124.

³ *Brang P.* Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung. Wiesbaden, 1960. S. 216—219, 247—249; *Вацуро В. Э.* Готический роман в России. М., 2002. С. 268—273; *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма: Эстетические и нравственные искания. СПб., 1994. С. 53—55, 176—179.

симально достоверные) об одном из этапов развития сентиментального путешествия.

Проследив движение от ранней редакции к поздней, мы установим, что осталось неизменным в «Путешествии», а это связано с ключевыми жанровыми признаками, которые, собственно, и позволяли отнести это произведение к путешествию как самому автору, так и читателям и исследователям.

Обе задачи решаются на материале двух редакций «Путешествия», изучение которых в исследовательской литературе сводилось ранее к тому, что отмечали зависимость первой редакции от общих мест сентиментального стиля и попытку избавиться от них во второй редакции, вытекающую из эволюции мировоззрения писателя.

Соглашаясь в общих чертах (с существенными оговорками) с двумя первыми пунктами «обвинения», мы стремимся оспорить последнее суждение, которое является следствием недостаточного внимания к творческой истории «Путешествия».

* * *

Текст «Путешествия» существует в нескольких прижизненных вариантах. Это издания 1800, 1802 и 1805 гг. Кроме того, зарегистрированы три публикации отдельных писем в отечественных хрестоматиях (1812—1824)⁴ и две в немецких изданиях (переводы также отдельных писем),⁵ но оснований считать какие-то из них авторизованными нет. Рукописи не сохранились или неизвестны, поэтому о работе Измайлова над текстом произведения можно

⁴ Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе, с прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании / Изданы Николаем Гречем. СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1812. С. 162—173; Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе, изданное Обществом любителей отечественной словесности. СПб., 1817. Ч. 6. С. 168—208 (2-е изд.: 1824. С. 148—184); Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, изданные Андреем Вербицким. Харьков, 1822. Ч. 1. С. 46—51.

⁵ Briefe über Kiew : Aus Ismajlows Reise durch das südliche Rußland // Russische Miscellen / Hrsg. J. Richter. Leipzig, 1803. Hf. 2. S. 41—74; Ueber Pallas. Der krimmische Werther // Russische Miscellen. Hf. 3. S. 140—174; Briefe aus Izmailow's Reise durch das südliche Russland // Pantheon der russischen Literatur / Hrsg. J. de la Croix. Erste Teil. Riga, 1805. S. 56—172. «Сводный каталог русской книги : 1800—1825» (М., 2007. Т. 2: Е—Л. С. 107) называет только перевод И. Рихтера, причем из описания можно понять, что имеется в виду какое-то отдельное издание (указан 1804 г.); поиски такового привели к отрицательному результату.

судить только по переизданиям книги. Обследование всех доступных экземпляров «Путешествия» авторских маргиналий не выявило.⁶

* * *

Предыстория «Путешествия» такова. После смерти отца Измайлов получил наследство и смог осуществить задуманную, видимо, еще раньше поездку. С мая по сентябрь 1799 г. он посетил Украину, Крым, Кавказ и Поволжье, откуда через Тамбов вернулся в Москву. Уже 22 октября Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву о работе Измайлова над книгой: «Молодой наш автор Измайлов ездил в Крым и на Кавказскую линию; описал, что видел, и скоро отдаст в печать. Я пришлю тебе книжку его».⁷ Работа шла скоро (что заставляет предположить наличие заметок, набросков, сделанных во время путешествия). Уже в первых числах января Измайлов читал отрывки из составляемой им книги, о чем Андрей Тургенев писал А. С. Кайсарову (письмо от 5 января 1800 г.): «Третьего дня был я в первый раз у Измайлова поутру и в другой раз в тот же день ввечеру. <...> Измайлов читал свое „Путешествие в Киев“».⁸

7 августа 1800 г. в «Московских ведомостях» появилось объявление о продаже книги, напечатанной в Университетской типографии у Х. Ридигера и Х. Клаудия.⁹ Опубликованный том (в восьмую долю листа, 442 страницы) составлял по плану Измайлова первую часть «Путешествия». По-видимому, это все, что

⁶ За исключением подписи Измайлова на титульном листе в одном из экземпляров библиотеки Дмитриевых (Отдел редкой книги научной библиотеки МГУ, шифр Величко 415). Такие же подписи сопровождали каждый из экземпляров второго издания измайловского перевода «Картины Европы» Л. Ф. Сегюра. По свидетельству М. Т. Каченовского, они сделаны для предотвращения незаконного печатания, от которого Измайлов пострадал при первом издании книги (Вестник Европы. 1806. Ч. XXVIII. № 14. С. 119).

⁷ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 113. Это единственное известное нам упоминание о реальном путешествии Измайлова, современное событию.

⁸ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 91. Неизвестно, были ли это какие-то наброски или уже готовое сочинение.

⁹ Московские ведомости. 1800. 7 авг. № 63. С. 1444. Возможно, рецензент — сам Измайлов. Демонстративный отказ давать какую-либо оценку слогу путешествия («мы не имеем права как издатели ничего сказать об оном») вместе с бесстрастным тоном, точной оценкой содержания и знанием подробностей тогда еще не вышедшего и, вероятно, еще не написанного продолжения выдает автора объявления. По крайней мере это должен был быть кто-то из ближайшего окружения Измайлова.

было написано к тому времени. Об этом говорит указание самого Измайлова в предисловии: «Если сия первая часть удостоится того лестного одобрения, которое она имела счастье заслужить при чтении в некоторых кругах общества, от известнейших людей в литературе, то за нею последует и другая с письмами о Крыме, о Кавказе, об Астрахани, о Сарпинской или Сарептской Колонии и проч.»¹⁰ (курсив мой. — А. С.).

Однако в 1802 г., когда одновременно со второй частью вышло второе издание первой части «Путешествия» (того же формата и объема, но уже у новых издателей в Университетской типографии — у Ф. Люби, Е. Гари и И. Попова), вопреки первоначальному замыслу, каждая часть была разделена еще на две, «для лучшей наружности книги» (1802, 1, 4), как сказано Измайловым в новом предисловии. Таким образом, вместо двух частей книга оказалась разбитой на четыре: единственной части первого издания соответствует первая и вторая части второго, а предполагавшейся второй — третья и четвертая. Пагинация во втором издании отдельная в каждой части, нумерация писем, однако, сохранена сквозная, состав их также не изменился.

Вероятно, идея разбить каждый том на две части пришла не сразу, а когда книга уже пошла в тираж. Во всех доступных мне экземплярах в сигнатуре третьей части со стр. 1 по 240 указано «Часть II», со стр. 241 до конца — «Часть III».¹¹ При этом в части тиража на титульном листе ошибочно указано: «часть вторая» (нам известен один такой экземпляр в отдельном переплете, хранящийся в библиотеке ИРЛИ, шифр 31 3/14).

Три года спустя вышло третье и последнее издание «Путешествия», сокращенное почти вдвое.¹² Сохранилась четырехчастная структура, зато часть писем была исключена, а остальные подверглись коренной переработке.

Итак, история текста «Путешествия» включает в себя переработку первоначального варианта для издания 1802 г., а за-

¹⁰ Путешествие в полуденную Россию : В письмах, изданных Владимиром Измайловым. М., 1800. С. 4. Далее ссылки на «Путешествие» в тексте. В скобках после цитаты указывается год издания (1800, 1802 или 1805), затем через запятую часть (кроме вышедшего в одной части издания 1800 г.) и страница. В ряде случаев приводятся два обозначения через тире. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами, при этом при сравнении цитат из разных изданий сохраняются некоторые особенности языковой манеры писателя. Курсив в неоговоренных случаях авторский.

¹¹ Это отмечено как в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века : 1725—1800» (М., 1962. Т. 1 : (А—И). С. 379), так и в продолжающем его «Сводном каталоге русской книги : 1800—1825».

¹² Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. М., 1805. Ч. 1—4.

тем — для издания 1805 г. Если вторая отмечена исследователями (но без уточнения ее степени и характера),¹³ то первая не обращала на себя внимания.¹⁴ Между тем оба эпизода представляют интерес, и настоящая работа призвана заполнить существующую лауну.

* * *

Изменения, внесенные Измайловым в текст «Путешествия» в 1802 г., начинаются с первых страниц, и цель большей их части легко уяснить. Согласно указанию на титульном листе издания 1802 г. Измайлов не автор, а издатель книги, но из предисловия становится очевидно, что он не скрывает свое авторство, так как говорит о себе в отличие от издания 1800 г., в первом лице: «Я хотел прежде всего видеть мое отечество — видел прекраснейшую часть — и описал ее. Семейство мое, которому я сообщал в письмах мои впечатления, препоручило мне издать сии письма» (1802, 1, 3). Вместо описания маршрута путешествия и сетований на обстоятельства, не позволяющие автору работать над книгой так скоро, как ему хотелось бы, приведен следующий текст: «Первое издание первой части вышло в течение года, прежде нежели успел я выдать вторую часть. Перепечатывая первую, стараюсь, в доказательство моей благодарности к публике, пользоваться критикою просвещенных умов и в угождение вкусу некоторых моих читательниц разделяю первую часть на две, как и последнюю, для лучшей наружности книги. Автор» (1802, 1, 4).

Из приведенной цитаты не вполне ясно, различал ли Измайлов критику «просвещенных умов» и «некоторых читательниц». С кем он обсуждал свое произведение, неизвестно, но достаточно последовательная правка как будто подтверждает его высказывание. В упомянутом выше письме Андрея Тургенева говорилось о присутствии на вечере у Измайлова «Карамзина, Вышеславцева, двух Пушкиных»,¹⁵ но кто из них участвовал в обсуждении

¹³ Наиболее развернутые отзывы о ней см.: Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. 2-е изд. СПб., 1912. С. 112; Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий: 1790—1840. СПб., 2004. С. 229.

¹⁴ Правда, один из экземпляров «Путешествия» (БАН, шифр 7434) хранит следы чьей-то тщательной работы: начиная со стр. 153 фиолетовыми чернилами исправлены опечатки и отмечены расхождения между двумя первыми изданиями. Но, несмотря на это, ни одной публикации, содержащей сведения о разночтениях, не обнаружено.

¹⁵ Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 91. Имеются в виду В. Л. и С. Л. Пушкины, а также М. М. Вышеславцев (см. о нем: Рак В. Д. Вышеслав-

и, главное, чье мнение и в какой мере автор учитывал, неясно. В круг слушателей также, очевидно, входили И. П. Тургенев и И. В. Лопухин, упоминавшиеся в тексте произведения в контексте рассуждений о «литеральном собратстве». Кроме того, члены «семейства», к которому обращены «письма», братья и сестры Измайлова, могли ему помочь советом.

Часть внесенных в текст исправлений носит технический характер и, действительно, может быть отнесена на счет «утождения вкусу» читательниц и стремления облегчить чтение. Прежде всего это изменения в оформлении книги: заново скомпонован титульный лист, изменены разделители и виньетки, увеличен отступ между письмами (в результате появилось расхождение между нумерациями страниц первого и нового издания, нарастающее к концу тома). То же можно сказать об исправлении опечаток, разграничении строчной/прописной «п» и «н» в словах «природа» и «натура» в зависимости от вкладываемого смысла (вообще, видна большая системность в написании заглавных и строчных букв), употреблении буквы «ё» в ряде иностранных фамилий.

По сравнению с первым изданием расшифрованы некоторые сокращения в именах собственных, но часть их так и осталась зашифрованной — это имена лиц из интимного круга автора: «любезный Т***» (1800, 13—1802, 1, 13), «милая П***» (1800, 29—1802, 1, 29). Это соответствовало установке сентиментализма вносить в текст «элемент некоторой тайны» для создания «особого интимного характера» произведения.¹⁶ То же можно сказать и о географических объектах: когда Путешественник приезжает «в деревню нашу К***», то название ее, знакомое родным и ничего не говорящее посторонним читателям, остается сокращенным (1800, 13—1802, 1, 13), а Симонов монастырь называется теперь полным именем (1800, 188—1802, 1, 192).

Наибольший интерес представляют пропуски и переработки значительных по объему фрагментов. Прежде всего это пропуски предложений, содержащих банальные моральные выводы, которые ничего не добавляют ни к затронутым в «Путешествии» темам, ни к образу Путешественника. Например, исчезло смешное в своей серьезности суждение: «Какие чудеса в природе!» (1800, 278) — произнесенное Путешественником по поводу... саранчи. Некоторые из таких фраз обнаруживают простодушие измайлов-

цев Михаил Михайлович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 182—183).

¹⁶ Кочеткова Н. Д. Литературные посвящения в русских изданиях XVIII—начала XIX века. Статья 1. Особенности жанра // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 81.

ского Путешественника, оказавшегося в типичной ситуации, но не сумевшего взглянуть на нее с иронией. Так, после разговора с малороссийским крестьянином о нравственности Путешественник обращается к читателям: «Как вам кажется такая Философия в простом крестьянине?» (1800, 57). Это обращение совпадает с текстом «Писем русского путешественника»: «Согласитесь, друзья мои, что такая философия в сельской девушке не совсем обыкновенна».¹⁷ Но Путешественник Карамзина продолжает: «Вообще все сюренские жители казались мне умными и счастливыми, может быть от веселого расположения души моей»,¹⁸ и это уточнение снимает однозначность восхищения «крестьянской философией». Также нет дополнительных смысловых оттенков и в комментарии Измайлова к раздаче милостыни: «Одна безделка в хорошем употреблении может доставить человеку неизъяснимое удовольствие, когда сердце в нем добро и ум не испорчен. Так размышлял я сам в себе и гордился бытием моим» (1800, 271). Такая обрисовка кажется обедняющей психологический облик Путешественника на фоне сложной интонации, сопровождающей подобные сцены у Стерна, Карамзина, Радищева.

Следующая группа изменений требует наиболее осторожной интерпретации. Они могут быть связаны с изменившейся после Павла I политической и соответственно цензурной обстановкой, но эта связь не очевидна:

Проезжая только чрез деревню Л*** вздохнул я о судьбе нашего несчастного М*** Л***, который в недрах сладкого уединения, имея детей и подругу, не умел наслаждаться сими чистыми благами жизни, тосковал об шуме света, которого сцена была для него закрыта (1800, 17).

Проезжая только чрез деревню Липицы, вздохнул я о судьбе нашего несчастного родственника, который в недрах заточения, но имея детей и подругу, не умел наслаждаться чистыми благами жизни, тосковал о потере счастья, которое состояло в одном мнении (1802, 1, 17).

Справа, кажется, достаточно очевидный намек на опалу М*** Л***, которой тот подвергся при Павле I и оказался в ссылке в собственной деревне. Об этом в 1800 г. можно было упоминать только завуалированно, и по фрагменту, представленному в левой колонке, невозможно догадаться о причине «сладкого уединения»;

¹⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избранные сочинения : В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 444.

¹⁸ Там же.

только близкие по инициалам могли узнать, о ком идет речь, и вспомнить его историю.¹⁹

К переработке стиля можно отнести следующие изменения:

...нет утонченной любви, <...> которая <...> наслаждается <...> тихими прогулками, **зелеными рошицами и журчащими ручейками**; нет нравственной любви, которая родилась в душе Платона, **писала письма** новой Элоизы и **текла с пера** Вертера (1800, 206—207).

...на место Полтавской баталии, на то **поприще**, где сражались два венценосные **Ратоборца**; <...> судьба **веси**ла судьбу двух **земных народов**, **веси**ла судьбу двух **Царей** (1800, 237).

...нет утонченной любви, <...> которая <...> наслаждается <...> тихими прогулками; нет нравственной любви, которая родилась в душе Платона; **пылала** в новой Элоизе и **вдыхала** Вертера (1802, 1, 211—212).

...на место Полтавской баталии, на то **поле**, где сражались два венценосные **Героя**; <...> Судьба **веси**ла **славу** двух **земных Владык** (1802, 2, 18).

В приведенных фрагментах явно проведены изменения в духе высказывания Карамзина, осуждавшего «излишнюю высокопарность, гром слов не у места и часто притворную слезливость» молодых авторов.²⁰ Причем в конце второго отрывка переработка текста обнаруживает известную тонкость: неуклюжая параллельная конструкция заменяется объединяющим выражением, вносящим к тому же в смысл фрагмента новый оттенок.

Немногочисленность всех перечисленных изменений, последовательность и прозрачность правки свидетельствуют о том, что тексты первой части «Путешествия» издания 1800 г. и первой и второй частей издания 1802 г. являются вариантами одной редакции: текст был улучшен, но качественной переработке не подвергся.

* * *

Иначе обстояло дело с изданием 1805 г.: «Путешествие» было сокращено более чем на треть (920 страниц в 1800-м, 934 в 1802-м и только 532 в 1805 г.). Прежде всего это произошло за счет исключения 27 из 146 писем (то есть около 1/5 их общего числа),

¹⁹ История передана Измайловым довольно точно: его дальний родственник Михаил Львович Измайлов (1734—1799), заставивший Петра III подписать отречение от престола, был за это пожалован селом Ледиковым с 2135 душами (*Бильбасов В. А. История Екатерины II*. СПб., 1891. Т. II. С. 65, 462), а при Павле I по той же причине не мог избежать ссылки. Однако о наличии у него детей ничего не известно (*Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга*. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 1. С. 223).

²⁰ Аониды. М., 1797. Кн. 2. С. V.

еще 26 писем были сокращены и попарно объединены. Новых эпизодов добавлено не было. Изменения коснулись не только объема книги, но и существенных особенностей стиля, сюжета, содержания.

Исключенные письма содержат в первую очередь «чувствительные» сцены (письмо-воспоминание об умершем брате; описание ночи в степи и «приятного утра» в Парфените; восхищение матерью, кормящей младенца; размышления о познаваемости мира на берегу бурной речки Ингулец; игра на арфе возлюбленной «русского Вертера», покончившего с собой из-за отказа ее родителей). При объединении писем сокращению подверглись также в основном чувствительные сцены и описания, мысли и чувства Путешественника при виде разрушительного и благотворного действия сил природы.²¹ Обнаруживаемая последовательность в изменениях, однако, охватывает не все. Историческое «воспоминание» о крещении Владимира, описание черкесской красавицы, сообщения об «индейском капище» в Астрахани и астраханской торговле, рассуждения о пользе общественных диспутов и выращивания садов — столь разнородные элементы, что их невозможно свести к чему-либо одному, тем более к чувствительным и патетическим местам. С другой стороны, многие чувствительные эпизоды сохраняются. Прежде всего это сцена свидания с кормилицей, описание приятного вечера, проведенного Путешественником в Очакове с семейством карантинного директора Матиаса, рассказ о «русском Вертере» и т. д. Однозначного ответа на вопрос о характере изменений, внесенных в текст второй редакции «Путешествия», на основании этих наблюдений дать нельзя.²² Недостаточно четким представляется и критерий «чувствительности» того или иного эпизода, хотя его применение почти неизбежно при рассмотрении проблемы в первом приближении.

Подобная же сложная ситуация наблюдается и с переработкой глав, которая составляет основную массу предпринятой Измайловым правки. Она не ограничивается исключением или заменой отдельных слов и предложений. Изменения, соседствуя, смешиваясь и иногда противореча друг другу, пронизывают все уровни текста — от графики и пунктуации до содержания целых абзацев, переосмысленных с точки зрения ценностных установок.

²¹ Сюда же можно отнести и оригинальные стихотворные вставки в крымских письмах. Во второй редакции осталась лишь одна из трех.

²² А. Шенле считает, что «основное различие обоих изданий заключается в изменении мировоззрения» от «сентименталистского маньеризма» к религиозности (Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. С. 229), но ненадежность этого вывода очевидна уже из приведенных примеров.

Для анализа переработки текста был выбран ряд писем обеих редакций, наиболее репрезентативных для современников: письма, переизданные в хрестоматиях, привлечшие внимание немецких переводчиков, отмеченные в критике и в пародиях.²³ Краткие (исходя из объема статьи) выводы²⁴ дополнены рассмотрением нескольких эпизодов, в которых изменения достигают особенно высокой концентрации.

Графические изменения сводятся к замене в ряде случаев строчной буквы в начале слова на прописную (в словах «Господин», «Герой», «Творец», «Гимн», «Старец») и прописной на строчную (в словах «природа», «натура», «наука» и в некоторых других абстрактных существительных). Впрочем, уверенности в том, что это всегда авторская правка, нет.

Некоторые из изменений в написании и употреблении имен собственных касаются фонетического облика слов (Фоас — Тоас, Салгир — Сальгир), другие связаны с возвращением крымским городам грецизированных названий (вместо татарских при Павле I: Ахмечет — Симферополь), третьи представляют собой расшифровку сложных наименований («мой любезный Женевец» — «Ж.-Ж. Руссо»; 1802, 1, 177—1805, 1, 77).²⁵

В пунктуации обращает на себя внимание, с одной стороны, отказ от частого использования тире, а с другой стороны, появление восклицательного знака на месте точки при соответствующей интонации. Здесь, очевидно, проявилось стремление к более точной передаче интонационного рисунка фразы, выражающего в нужных местах либо бесстрастие повествователя, либо его эмоциональную заинтересованность.

В морфологии внесены исправления в выбор окончаний существительных, глагольного залога, использование степеней сравнения. В результате нелепые иногда метафоры вернули себе буквальное содержание. Так, первая редакция в одном из «исторических воспоминаний» Путешественника в лесу перед въездом в Киев упоминает не дождавшуюся жениха невесту, скитающуюся «под меланхолическою сосною». Во второй редакции Измайлов

²³ Это главы (письма) 20, 26, 38, 53, 62, 77—79, 81, 101, 104, 112, 129, 141 первой редакции и 2, 8, 19 первой части, 3, 9, 22—25 второй части, 13, 14, 22 третьей и 4, 14 четвертой части второй редакции, всего 28 писем из обеих редакций.

²⁴ В классификации разночтений между текстами избранных писем «Путешествия» первой и второй редакции мы ориентировались на классическое исследование В. В. Сиповского в отношении текста «Писем русского путешественника». См.: *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 158—237.

²⁵ Здесь и далее при сравнении с изданием 1805 г. текст первой редакции «Путешествия» цитируется по изданию 1802 г.

исправил оплошность и поместил девушку «под меланхолическими соснами», что придало поэтическому образу достоверность (1802, 1, 96—1805, 1, 11). Широко представлено использование других форм слова, отличающихся от представленных в первой редакции аффиксами или корневыми вариантами. Целью этого изменения, очевидно, было выравнивание прежде неоднородного стиля, освобождение его как от громоздких форм высокого слога, так и от форм разговорного лексического пласта.

Среди синтаксических особенностей второй редакции нужно назвать разбивку слишком больших предложений на два и соединение тесно связанных по смыслу фрагментов в одно предложение; изменения в согласованиях и управлениях, замену союзов и предлогов, а также некоторых конструкций на синонимичные. Наиболее характерным синтаксическим явлением во второй редакции «Путешествия» по сравнению с первой являются многочисленные инверсии и перестановки однородных членов («праха моего» — «моего праха»; 1802, 2, 71—1805, 2, 12). Синтаксические изменения отчасти преследуют стилистические цели, но также демонстрируют намерение Измайлова сократить объем текста, сохранив при этом существенные особенности авторской картины мира. Например, в следующем отрывке, пожертвовав указанием на чувствительное сердце, он оставляет принципиальное для автора сентиментального путешествия признание в том, что им движет любопытство, с которым он изучает не только киевские памятники древности, но и письма, полученные от родных.

Наконец сердце мое удовлетворено, и я иду насытить любопытство мое, столько раз перерываемое другими предметами; — иду взглянуть на картину Киева (1802, 1, 102).

Наконец любопытство мое удовлетворено и я иду в Киев — иду взглянуть на картину города (1805, 1, 16).

Для лексического уровня характерны изменения, выражающиеся в замене отдельного слова или словосочетания другим, синонимичным ему (по словарю или в контексте). Этим путем прежде всего достигается устранение просторечия и неблагозвучия:

просиживал на палубе (1802, 3, 37).

сидел на палубе (1805, 2, 123).

высокопарности:

изъявлял только одно желание (1802, 2, 71).

имел только одно желание (1805, 2, 11).

и, напротив, усиление поэтичности:

одетые облаками (1802, 2, 202).

увенчанные облаками (1805, 2, 99).

Русскими эквивалентами заменяются иностранные слова:

под эгидою **Философии** (1802, 3, 45). под **щитом** **Философии** (1805, 2, 129).

Ряд замен ведет к обобщениям:

один Херсонский **купец** (1802, 2, 71). один Херсонский **житель** (1805, 2, 11).

или уточнениям:

нежные цветы (1802, 2, 203). цветы **неизвестные в наших странах** (1805, 2, 99).

Из приведенных выше примеров видно, что Измайлов при работе над второй редакцией «Путешествия» стремился к более точной передаче своей мысли и к стилистическому разнообразию. В нейтральных ситуациях используется нейтральная лексика, при описаниях природы, чувств и переживаний Путешественника и персонажей — лексика, стилистически окрашенная. При этом общий колорит становится как раз более однородным; это было замечено еще Т. А. Роболи, назвавшей «Путешествие» Измайлова «наиболее ровным по языку» среди сентиментальных путешествий,²⁶ что связано, как представляется, с более умелым, чем в предыдущей редакции, использованием стилистических средств. Шагом навстречу читателям была и замена иностранных слов, по сути также «выравнивавшая» стиль произведения.²⁷

Нетрудно заметить, что Измайлов шел по пути все более прочного усвоения «языковой программы» Карамзина: «Выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи».²⁸

²⁶ Роболи Т. А. Литература путешествий // Русская проза. Л, 1926. С. 58.

²⁷ Суждения о стиле «Путешествия» в данной работе опираются на традиционное понимание стиля как манеры речи, определяющейся совокупностью используемых выразительных средств, выявляющих авторское видение действительности в произведении. Использование термина «стиль» («слог») объясняется необходимостью установить для анализа те рамки, которые изначально были выдвинуты критиками сентиментальных путешествий и сентиментализма в целом, прежде всего А. С. Шишковым.

²⁸ Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? // Карамзин Н. М. Избранные сочинения. Т. 2. С. 183. См. о карамзинской «языковой программе» и роли Карамзина в истории русского литературного языка: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. 3-е изд. М., 1982. С. 197—200; Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX века: Лексика. М., 1964; Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. Подборку высказываний по этому вопросу критиков XIX в. и мнений ученых см. в статье Ю. С. Сорокина (1983) «Язык и стиль карамзинской прозы в оценке

Вместе с тем он явно стремился избавиться от ряда характерных маркеров «чувствительного слога», каковыми противники сентименталистов полагали заимствования, замысловатые метафоры и «нежные» эпитеты.

Любопытно, что Измайлов сам иногда подчеркивал, что использует галлицизмы: сравнивая Стрелецкую слободу Курска с Флоренцией, он дает в переводе замечание Ш. Дюпати о Флоренции, что та «сидит посреди букета цветов», и просит прощения у читателей за то, что «осмелился удержат сей галлицизм» (1802, 1, 42). Можно было ту же мысль выразить по-другому, но писатель выбирает форму, которая ему кажется более продуктивной (а главное, точнее передающей идею Дюпати). Следовательно, Измайлов делал сознательный выбор калек с французских конструкций даже в тех случаях, когда в русском языке уже существовали эквивалентные им выражения. Ставка на эксперимент с трансляцией галлицизмов не оправдала себя и была отвергнута во второй редакции «Путешествия».

Если исключения и вставки отдельных слов в целом сводятся к описанному выше техническим и стилистическим задачам,²⁹ то исключенные предложения и абзацы, вставленные и переписанные заново отрывки можно определить уже как ценностно мотивированные изменения, затрагивающие структуру повествования.

Прежде всего это удаление эпистолярных элементов (не только прямых обращений, иногда весьма большого объема, но и косвенных указаний на адресата и на эпистолярный характер произведения):

излил в сем письме душу мою (1802, 2, 200).

предался я мечтам самым сладким, самым восхитительным (1805, 2, 99—100).

В данном случае замена выражения не влияет на «чувствительный» характер «излияний» Путешественника, но позволяет избежать упоминания переписки, на имитации которой строилась первая редакция «Путешествия».

Распространена во второй редакции переработка текста таким образом, что место подробного описания или высказывания,

современников и последующих поколений : (180 лет с начала споров вокруг «нового слога»)» (Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII—начала XIX века. СПб., 1994. С. 16—57).

²⁹ Например, 27 из 50 вновь добавленных отдельных слов в рассматриваемых главах — эпитеты, уточняющие авторскую мысль:

Там мы виделись уже <...> не на улице (1802, 2, 115).

Там виделись уже мы <...> не на шумной улице (1805, 2, 41).

И т. п.

включающего в себя характерные сентиментальные образы, лексику, отсылки, занимает обобщенная формулировка. В первой редакции, рассматривая особенности киевского общества, Путешественник, жалуясь, что в нем «нет души в разговорах», апеллирует к опыту салонного красноречия, которое требует не учености, а лишь начитанности и ума — и в то же время развивает природные способности человека: «Должно ли только для забавы прикасаться к пуху цветов, не вдыхая в себя их ароматов, не пользуясь ими, как хотела того природа? Нельзя ли выбрать достойнейших предметов разговора из того ума, не важного, но приятного и легкого, который резвился во множестве миров с Фонтенелем, гулял в садах между цветами с Вергилием, Де Лиллем, Сен-Ламбертом и путешествовал с Анахарсисом в отечестве муз, граций и философии?» (1802, 1, 161). Примеры подобраны с ориентацией на культурный багаж сентиментального читателя. Им должны были быть узнаны и «Разговоры о множестве миров» (1686) Б. Фонтенеля, и книга Ж.-Ж. Бартелеми «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию» (1788), и описательные поэмы Ж. Делиля «Сады» (1782), Ж.-Ф. Сен-Ламбера «Времена года» (1769), а также «Георгики» Вергилия.³⁰ Во второй редакции читаем просто: «Нет души в разговорах; нет приятного сообщения чувств и мыслей; нет того истинного духа общежития, которых жаждет юноша с пылкою новою душою, зрелый муж с основательным разумом и старец с богатыми воспоминаниями опытности» (1805, 1, 66—67). Вывод о пользе разговоров здесь строится на афоризме, чью сомнительную справедливость может подтвердить или опровергнуть лишь личный опыт каждого конкретного читателя, а не читательский опыт эпохи.

Похожая ситуация и со следующим фрагментом; в нем соседствуют сентиментальная лексика, пласт культурных цитат и отсылок и тема поиска счастья. Делясь первыми впечатлениями от Крыма, Путешественник замечает:

«Все, что я мечтал о тех прекрасных долинах, где Геснер поселял своих пастухов и пастушек, где Руссо гулял, наслаждался и забывал самого себя, где наш русский путешественник писал жарчайшие из писем своих — все это есть одна романическая тень перед тою долиною, на которой я пишу. <...>

³⁰ «Георгики» переводил названный здесь Измайловым среди других представителей «приятного и легкого ума» Сен-Ламбер. Русский перевод: П. Виргилия Марона Георгики, или О земледелии четыре книги. С приобщением перевода I эклоги Виргилиевой, называемой Титир / С лат. яз. переведено на Вологде, издано в свет с исправлениями во многих местах В. Г. Рубаном. СПб., 1777. Все указанные произведения ориентированы на популяризацию знаний и совещали точность описаний природных явлений с занимательностью изложения.

Предметы любви моей! нежные друзья, драгое семейство!
и ты, ты любезнейшая из всех людей, любезных моему сердцу!
теперь вы одни остались со мною; остаток мира для меня не
существует. <...> Пусть жизнь моя протечет тихо на сей долине;
не хочу никакой славы: встречу с улыбкою час смерти, и буду
счастлив в самом гробе, ежели рука ваша скроет прах мой под
сими зелеными кущами, поставит камень и надпишет только над
ним сии слова: „здесь покоится друг наш“» (1802, 2, 198—200).

В процитированном фрагменте крымский пейзаж интерпретируется сквозь призму литературного опыта (идиллии Геснера и проникнутые преклонением перед дикой и пышной альпийской природой произведения Руссо и Карамзина). Крым не просто уподобляется Швейцарии, эта оценка должна быть подтверждена авторитетом известных писателей, знакомство с творениями которых демонстрирует здесь Путешественник. Характер упоминания многозначен. С одной стороны, Путешественник сам воспринимает действительность через литературу и подчеркивает это, с другой стороны, такой взгляд повествователя формирует восприятие пейзажа читателем, наконец, перечисление знаковых авторов и их книг указывает на совместную с читателем причастность Путешественника (и стоящего за ним автора) к сентиментальной культуре.

Эпистолярная имитация также преследует несколько целей: создание ситуации заочной беседы с родными, отсылающей к сентиментальному культу дружбы, выстраивание образа Путешественника, который даже на лоне прекрасной природы, но вдали от близких ощущает себя как один среди пустыни, и подтверждение подлинности переписки. Наконец, в данном отрывке проявляется линия поиска Путешественником счастья, которое декларируется осуществимым в виде посмертной гармонии и локализуется в живописной долине под Симферополем. Все это уходит при редактировании вместе с самим отрывком.

Новое содержание во второй редакции «Путешествия» — это прежде всего введение фактических сведений, уточнений, причем, поскольку изменения с этой тенденцией сконцентрированы лишь в определенных местах текста, где речь идет о храмах, богослужении, подвиге паломничества, и почти все сосредоточены в киевских главах, это дает повод говорить об усилении выражения религиозного мировоззрения в «Путешествии». Так, при описании Киево-Печерской лавры Путешественник говорит:

взгляните на сию живость, шум и толпу людей, поклоняющихся Богу (1802, 1, 100).

взгляните на зрелище миллиона людей, из отдаленнейших пределов России текущих на поклонение Богу вселенная (1805, 1, 14).

В последнем фрагменте вместо зрительно-слухового образа, вводящего читателя в народное движение, предлагается обобщенная формулировка — осмысление паломничества как национального религиозного феномена.

Среди удаленных подробностей и мелких деталей подавляющее большинство касается личности повествователя. Это, например, цитирование надписи, сделанной им самим на памятнике Говарду: «Покойся в мире, друг людей!» (1802, 2, 72), особое отношение к Руссо, намеки на обстоятельства своей жизни (упоминавшиеся в первой редакции, а во второй последовательно снятые, например, потеря брата) и перенос внимания на сами обстоятельства с их восприятия. Убираются указания на местопребывания Путешественника, описания его душевных состояний. Таким образом, признаваемый и даже культивируемый в литературе сентиментализма интерес к личности частного человека, находивший свое выражение в первой редакции измайловского «Путешествия» в наполнении его мелкими деталями, касающимися жизни Путешественника, во второй редакции определяет характер произведения в значительно меньшей степени.

Наконец, из второй редакции удаляются также высказывания, цель которых — подчеркнуть реальную, а не воображаемую природу описываемого Путешественником. Это относится прежде всего к его замечаниям о колонии гернгутеров Сарепте. В первой редакции Путешественник настойчиво повторяет, что идиллическое описание жизни колонистов не плод его воображения, а реальность, в которой можно убедиться, приехав туда. Такие фрагменты исключены в издании 1805 г. Это изменение следует рассматривать как последовательное удаление свидетельств авторского размышления о художественной природе созданного текста. Если в первой редакции повествователю свойственно постоянное балансирование на грани документа и вымысла и ему требуются оговорки, убеждение скорее самого себя, чем читателя, в том, что это «не роман», то во второй эта проблема бесследно пропадает. При переработке «Путешествия» Измайлов явно учитывал, что к 1805 г. выработалась традиция восприятия произведений в жанре путешествия: всякий автор волен описывать то, что он хочет, и не обязан указывать на фактическую основу книги.³¹

Подводя предварительные итоги, следует прежде всего обратить внимание на взаимосвязанность изменений, цельность прав-

³¹ Следы этой традиции см. в рецензиях П. И. Макарова а также в: Вестник Европы. 1806. Ч. 25. № 1. С. 42—54; Журнал российской словесности. 1805. Ч. 2. № 7. С. 160—167.

ки. Стилистические изменения согласуются с содержательными: те и другие направлены на устранение литературных аллюзий повествования. Одновременно размываются оговоренные повествователем в первой редакции границы романа и реальности. Расширяется фактическая основа, и для подтверждения документальности достаточно свидетельства самого текста. Следствием этого становится появление того, что можно было бы назвать религиозной окраской. Очевидно, что дело здесь не в эволюции мировоззрения, а в замене стержневой конструкции текста, строившегося на отсылках к книгам, слогу и ситуациям сентиментальной литературы. На смену разрушающимся основам должна прийти новая связка, и киевские главы начинают держаться на привычной для читателя схеме паломничества, осмысленной, правда, человеком эпохи Просвещения. При этом существенно, что другие группы глав не нуждаются в такой поддержке, их скрепляет интерес к новизне, экзотике и истории.

Изложенное выше — общая концепция, которая не объясняет каждого конкретного случая. Но на примере рассказа о крещении киевлян (о котором Путешественник «вспоминает», стоя на Крещатике) можно показать комплексный характер изменений. Различия начинаются с первых слов:

Вот гора Андрея Первозванного!
Прекрасные виды! прекрасное место!

На сей горе воздвигнуто было знамение того священного учения, которое заключает в великом семействе людей союзы братского дружества, возвещает устами Божества законы сердца и природы и показывает за земными бурями тихое пристанище и блестящую звезду вечности (1802, 1, 129).

Вот гора Андрея Первозванного!

Здесь, по древнему преданию, в первый раз возгремел глас Апостола и в первый раз воссияло знамя веры на земле Славянской; здесь священный крест, водруженный на горе рукою Апостола, был долго безмолвным вестником того учения, которое союзом братской любви соединяет великое семейство людей, именем Божества утверждает законы сердца и за бурями земными показывает вечность мирную и блаженную; здесь Андрей Первозванный, благословляя юное царство Славянского народа, в пророческом вдохновении так гласил о близких днях его славы: *«На сих горах воссияет благодать Божия, град великий и в нем множество храмов благолетных...»* (1805, 1, 42).

Вместо эстетической оценки («прекрасное место!») появляется ссылка на апокрифическое летописное предание о появлении

на Киевских горах апостола Андрея Первозванного. Эта замена влечет за собой следующую: в первой редакции дальше Путешественник высказывался о горе как о достойной того, «чтобы расцвело на ней древо Христианства» и «чтобы новый Боссюет гремел на ней с душевным красноречием <...> о величестве миролюбивого Бога» (1802, 1, 129). Этот оценочный абзац во второй редакции убран, зато расцвет «древа Христианства» перенесен из предполагаемого будущего в область реальности исторического прошлого. Здесь апостол Андрей, в первом случае упоминавшийся только как тот, кому посвящена церковь, становится полноправным героем повествования. К нему отчасти отходит от Путешественника функция наблюдателя.

Следующий в первой редакции и удаленный во второй абзац также содержал индивидуальный взгляд на стоящую на горе церковь — взгляд самого Путешественника, его оценки («великолепно», «прекрасна»), возникающие у него образы (соединение неба с землей, ступени перед храмом — «эмблема лестницы, которая соединяет Бога с человеком» (1802, 1, 129)).

Таким образом, происходит смена модальности высказывания. Ответственность за него переносится с Путешественника, оценивающего достоинство святого места исходя из своих личных пристрастий (соответствующих представлениям своего времени о Ж. Б. Боссюэ как об образцовом проповеднике) на исторический, религиозный — национальный авторитет.

Продолжительное и красноречивое слово митрополита, объясняющего необходимость принятия христианства, заменяется краткой формулировкой: «народы земные, внимайте! Есть в мире Провидение!...», а следование собравшихся людей примеру первосвященника, ставшего на колени перед Богом по окончании своей речи, вообще опускается. В результате описанию поклонения Всевышнему и утверждению, что «в сию минуту все сердца чувствуют его присутствие», не достаёт достоверности.

То же можно сказать об обозрении Путешественником вновь обращенных христиан: из беседы отца и сына «о долге христианина» исключается само содержание беседы (вероятно, не очень правдоподобной сразу после крещения), и немотивированной остается реакция юноши, который «вооружается щитом веры и летит подкреплять слабых, угнетенных, всех страждущих в мире». Сокращая текст «Путешествия» и избавляясь от вымысла, Измайлов в данном случае нарушает художественное правдоподобие, хотя в остальных местах это призвано показать стремление к нему.

В целом вторая редакция «Путешествия» предстает развивающей намеченное в первой. Во многом точнее выражается

своеобразная исследовательская позиция автора. Роль отдельных клише и того, что было вызвано общими свойствами сентиментального стиля, уменьшена. Различия между редакциями, какими бы существенными они ни выглядели, не меняют принципиальной оценки произведения, но анализ этих различий помогает глубже проникнуть в логику авторского замысла.

В переработке Измайловым своей книги отразилась и «внутренняя» критика, исходившая от единомышленников-литераторов карамзинского круга, и логика литературного процесса: в преимущественности авторов сентиментализма лежит не набор заданных «основателем» и воспроизводимых «подражателями» клише, а нечто более существенное. В «Путешествии в полуденную Россию» главное — мировоззрение, в центре которого находится многоаспектная проблема природы. Способы выражения этого мировоззрения в тексте произведения и определяют специфику «Путешествия» Измайлова.

Издав первую часть «Путешествия» в 1800 г., Измайлов продолжал и совершенствовал свое произведение на протяжении пяти лет. Принципы правки 1802 г. (переработка композиции, облегчение чтения, соответствие вкусам публики) легли в основу редакции 1805 г., существенно отличающейся от первой, но решающей те же художественные задачи. Исследование истории текста «Путешествия в полуденную Россию» позволило не только ответить на ряд частных вопросов, связанных с реконструкцией авторского замысла, мировоззрения писателя, но и указать направление в разработке более общих проблем, касающихся описания и принципов развития сентиментальной школы.